

Дмитрий Кедрин (1907 – 1945)

ПОСТРОЙКА

Разрушенный дом привлекает меня:
Он так интересен,
Но чуточку страшен:
Мерцают, холодную важность храня,
Пустые глаза недостроенных башен,
Под старой подошвой —
Рыдающий шлак,
И эхо шагов приближается к стону.
Покойной разрухи веселый кулак —
Как в бубен —
Стучал по глухому бетону.
При ласковом ветре обои шуршат
Губами старухи у мужьего гроба.
Седых пауков и голодных мышат
Пустых погребов приютила утроба.
Недавно
С похмелья идущая в суд
Ночная шпана на углах продавала
По тыще рублей за ржавевший пуд —
Железный костяк недобитого зала.

Тут голод плясал карманьолу свою,
А мы подпевали и плакали сами...
Бревно за бревном — в деревянном строю
У каменных изб обернулись лесами.
И нынче,
Я слышу,
Стучат молотки
В подвалах —
В столице мышиноного царства:
Гранитный больной принимает глотки
Открытого доктором нэпом лекарства.
И если из каждой знакомой дыры
Глядела печаль,
Обагренная кровью,
То в ведрах своих принесли маляры
Румянец покраски в подарок здоровью.
Пусть мертвые — нет,
Но больные встанут.
Недаром сверкает пила,
И теплее
Работают руки, а губы поют
О сделанном день изо дня веселее.

Испачканный каменщик,
Пой и стучи!
Под песню работать — куда интересней,
Давай-ка, пока подвезут кирпичи,
Товарищей вместе побалуем песней.
А завтра, быть может, и нас, пареньков,

Припомнят в одном многотысячном счете!
Тебя — за известку, что тверже веков,
Меня — за стихи
О хорошей работе.
1926

ДВОЙНИК

Два месяца в небе, два сердца в груди,
Орел позади, и звезда впереди.
Я поровну слышу и клетот орлиный,
И вижу звезду над родимой долиной:
Во мне перемешаны темень и свет,
Мне Недоросль — прадед, и Пушкин — мой дед.

Со мной заодно с колченогой кровати
Утрами встает молодой обыватель,
Он бродит, раздет, и немыт, и небрит,
Дымит папирсой и плоско острит.
На сад, что напротив, на дачу, что рядом,
Глядит мой двойник издевательским взглядом,
Равно неприязненный всем и всему,-
Он в жизнь в эту входит, как узник в тюрьму.

А я человек переходной эпохи...
Хоть в той же постели грызут меня блохи,
Хоть в те же очки я гляжу на зарю
И тех же сортов папирсы курю,
Но славлю жестокость, которая в мире
Клопов выжигает, как в затхлой квартире,
Которая за косы землю берет,
С которой сегодня и я в свой черед
Под знаменем гезов, суровых и босых,
Вперед занову мой скитальческий посох...
Что ж рядом плетется, смешок затая,
Двойник мой, проклятая косность моя?

Так, пробуя легкими воздух студеной,
Сперва задыхается новорожденный,
Он мерзнет, и свет ему режет глаза,
И тянет его воротиться назад,
В привычную ночь материнской утробы;
Так золото мучат кислотною пробой,
Так все мы в глаза двойника своего
Глядим и решаем вопрос: кто кого?

Мы вместе живем, мы неплохо знакомы,
И сильно не ладим с моим двойником мы:
То он меня ломит, то я его мну,
И, чуть отдохнув, продолжаем войну.
К эпохе моей, к человечества маю
Себя я за шиворот приподымаю.
Пусть больно от этого мне самому,
Пусть тяжело, — я себя подыму!
И если мой голос бывает печален,

Я знаю: в нем фальшь никогда не жила!..
Огромная совесть стоит за плечами,
Огромная жизнь расправляет крыла!
1934

КРОВИНКА

Родная кровинка течет в ее жилах,
И больно — пусть век мою слабость простит —
От глаз ее жалких, от рук ее милых
Отречься и память со счетов скостить.

Выветриваясь, по куску выпадая,
Душа искрошилась, как зуб, до корня.
Шли годы, и эта ли полуседея,
Тщедушная женщина — мать у меня?

Убогая! Где твоя прежняя сила?
Какою дорогой в могилу слегла?
Влюблялась, кисейные платья носила,
Читала Некрасова, смуглой была.

Растоптана зверем, чье прозвище — рынок,
Раздавлена грузом матрасов и соф.
Сгорела на пламени всех керосинок,
Пылающих в недрах кухонных Голгоф.

И вот они — вечная песенка жалоб,
Сонливость, да втертый в морщины желток,
Да косо, по-волчьи свисающий на лоб,
Скупой, грязноватый, седой завиток.

Так попусту, так бесполезно и глупо
Дотла допылала твоя красота!
Дымящимся паром кипящего супа
Весь мир от тебя заслонила плита!

В истрепанных туфлях, потертых и рыжих,
С кошелкой, в пальто, что не греет души.
Привыкла блуждать между рыночных выжиг,
Торгуясь, клянясь, скопидома гроши.

Трудна эта доля, и жребий несладок:
Пугаться трамваев, бояться людей,
Толкаться в хвостах продуктовых палаток,
Среди завсегдаево очередей.

Но желчи не слышно в ее укоризне,
Очаг не наскучил ей, наоборот:
Ей быть и не снилось хозяйкою жизни,
Но только властительницей сковород.

Она умоляет: «Родимый, потише!
Живи не спеша, не волнуйся, дитя!
Давай проживем, как подпольные мыши,
Что ночью глубокой в подвалах свистят!»

Затем, что она исповедует примус,
Затем, что она меж людьми как в лесу, —
Мою угловатую непримиримость
К мышинной судьбе я, как знамя, несусь.

Мне хочется расколдовать ее морок,
Взять под руку мать, как слепое дитя,
От противней чадных, от жирных конфорок
Увести ее на берег, мира, хотя

Я знаю: он будет ей чуден и жуток,
Тот солнечный берег житейской реки...
Слепую от шор, охромевшую в путях,
Я всё ж поведу ее, ей вопреки!
1934

ПОЕДИНОК

К нам в гости приходит мальчик
Со сросшимися бровями,
Пунцовый густой румянец
На смуглых его щеках.
Когда вы садитесь рядом,
Я чувствую, что меж вами
Я скучный, немножко лишний,
Педант в роговых очках.

Глаза твои лгать не могут.
Как много огня теперь в них!
А как они были тусклы...
Откуда же он воскрес?
Ах, этот румяный мальчик!
Итак, это мой соперник,
Итак, это мой Мартынов,
Итак, это мой Дантес!

Ну что ж! Нас рассудит пара
Стволов роковых Лепаж
На дальней глухой полянке,
Под Мамонтовкой, в лесу.
Два вежливых секунданта,
Под горкой — два экипажа,
Да седенький доктор в черном,
С очками на злом носу.

Послушай ка, дорогая!
Над нами шумит эпоха,
И разве не наше сердце —
Арена ее борьбы?
Виновен ли этот мальчик
В проклятых палочках Коха,
Что ставило нездоровье
В колеса моей судьбы?

Наверно, он физкультурник,
Из тех, чья лихая стайка
Забил на стадионе
Испании два гола.
Как мягко и как свободно
Его голубая майка
Тугие гибкие плечи
Стянула и облегла!

А знаешь, мы не подыдем
Стволов роковых Лепаж
На дальней глухой полянке,
Под Мамонтовкой, в лесу.
Я лучше приду к вам в гости
И, если позволишь, даже
Игрушку из Мосторгина
Дешевую принесу.

Твой сын, твой малыш безбровый
Покоится в колыбели.
Он важно пускает слюни,
Вполне довольный собой.
Тебя ли мне ненавидеть
И ревновать к тебе ли,
Когда я так опечален
Твоей морщинкой любой?

Ему покажу я рожки,
Спрошу: «Как дела, Егорыч?»
И, мирно напившись чаю,
Пешком побреду домой.
И лишь закурю дорогой,
Почувяв на сердце горечь,
Что наша любовь не вышла,
Что этот малыш – не мой.
1933

БРОДЯГА

Есть у каждого бродяги
Сундучок воспоминаний.
Пусть не верует бродяга
И ни в птичий грай, ни в чох, —
Ни на призраки богатства
В тихом обмороке сна, ни
На вино не променяет
Он заветный сундучок.

Там за дружбою слежалой,
Под враждою закоптелой,
Между чувств, что стали тухлой
Связкой высохших грибов, —
Перевязана тесемкой
И в газете пожелтелой,

Как мышонок, притаилась
Неуклюжая любовь.

Если якорь брига выбран,
В кабачке распита брага,
Ставни синие забиты
Навсегда в родном дому, —
Уплывая, всё раздарит
Собутыльникам бродяга,
Только этот желтый сверток
Не покажет никому...

Будет день: в борты, как в щеки,
Оплеухи волн забьют — и
«Все наверх! — засвищет боцман. —
К нам идет девятый вал!»
Перед тем как твердо выйти
В шторм из маленькой каюты,
Развернет бродяга сверток,
Мокрый ворот разорвав.

И когда вода раздавит
В трюме крепкие бочонки,
Он увидит, погружаясь
В атлантическую тьму:
Тонколицая колдунья,
Большеглазая девчонка
С фотографии грошовой
Улыбается ему.
1934

АД

Недобрый дух повел меня,
Уже лежавшего в могиле,
В страну подземного огня,
Которой Данте вел Вергилий.

Из первого в девятый круг
Моя душа была ведома -
Где жадный поп и лживый друг
И скотоложец из Содома.

Я видел гарпий в том леске,
Над тем узилищем, откуда
В нечеловеческой тоске
Бежал обугленный Иуда.

Колодезь ледяной без дна,
Где день за днем и год за годом,
Как ось земная, Сатана
Простерт от нас до антиподов.

Я грешников увидел всех -
Их пламя жжет и влага дразнит,

Но каждому из них за грех
Вменялась боль одной лишь казни.

"Где мне остаться?" — я спросил
Ведущего по адским стогам.
И он ответил: "Волей сил
По всем кругам ты будешь прогнан".
1934

* * *

Когда кислородных подушек
Уж станет ненужно мне -
Жена моя свечку потушит,
И легче вздохнется жене.

Она меня ландышем сбрызнет,
Что в жизни не жаловал я,
И, как подобает на тризне,
Не очень напьются друзья.

Чохоточный критик, от сплетен
Которого я изнемог,
В публичной "Вечерней газете"
Уронит слезу в некролог.

Потом будет мартовский дождик
В сосновую крышку стучать
И мрачный подпивший извозчик
На чахлую клячу кричать.

Потом, перед вечным жилищем
Простая и покончив со мной,
Друзья мои прямо с кладбища
Зайдут освежиться в пивной.

Покойника словом надгробным
Почтят и припомнят, что он
Был малость педант, но способный,
Слегка скучноват, но умен.

А между крестами погоста,
Перчаткой зажавшая рот,
Одета печально и просто,
Высокая дама пройдет.

И в мартовских сумерках длинных,
Слегка задохнувшись от слез,
Положит на мокрый суглинок
Весенние зарева роз.
1936

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Улетают птицы за море,
Миновало время жатв,
На холодном сером мраморе
Листья желтые лежат.

Солнце спряталось за ситцевой
Занавескою небес,
Черно-бурю лисицею
Под горой улегся лес.

По воздушной тонкой лесенке
Опустился и повис
Над окном — ненастья вестником
Паучок-парашютист.

В эту ночь по кровлям тесаным,
В трубах песни завода,
Заскребутся духи осени,
Стукнут пальчики дождя.

В сад, покрытый ржавой влагою,
Завтра утром выйдешь ты
И увидишь — за ночь — наголо
Облетевшие цветы.

На листе рябин продрогнувших
Заблестит холодный пот.
Дождик, серый, как воробышек,
Их по ягодке скуплет.
1937-1941

КОФЕЙНЯ

...Имеющий в кармане мускус не
кричит об этом на улицах. Запах
мускуса говорит за него.

Саади

У поэтов есть такой обычай -
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.
Магомет, в Омара пальцем тыча,
Лил ушатом на беднягу ругань.

Он в сердцах порвал на нем сорочку
И визжал в лицо, от злости пьяный:
"Ты украл пятнадцатую строчку,
Низкий вор, из моего "Дивана"!"

За твоими подлыми следами
Кто пойдет из думающих здраво?"
Старики кивали бородами,
Молодые говорили: "Браво!"

А Омар плевал в него с порога
И шипел: "Презренная бездарность!"
Да минет тебя любовь пророка
Или падишаха благодарность!

Ты бесплоден! Ты молчишь годами!
Быть певцом ты не имеешь права!"
Старики кивали бородами,
Молодые говорили: "Браво!"

Только некто пил свой кофе молча,
А потом сказал: "Аллаха ради!
Для чего пролито столько жёлчи?"
Это был блистательный Саади.

И минуло время. Их обоих
Завалил холодный снег забвенья.
Стал Саади золотой трубою,
И Саади слушала кофейня.

Как ароматические травы,
Слово пахло медом и плодами,
Юноши не говорили: "Браво!"
Старцы не кивали бородами.

Он заморозил их песней птичьей,
Песней жаворонка в росах луга...
У поэтов есть такой обычай –
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.
1936

* * *

Прощай, прощай, моя юность,
Звезда моя, жизнь, улыбка!
Стала рукой мужчины
Мальчишеская рука.
Ты прозвенела, юность,
Как дорогая скрипка
Под легким прикосновеньем
Уверенного смычка.
Ты промелькнула, юность,
Как золотая рыбка,
Что канула в сине море
Из сети у старика!
1938

ПЕСНЯ ПРО АЛЁНУ-СТАРИЦУ

Что не пройдет –
Останется,
А что пройдет –
Забудется...
Сидит Алена-Старица
В Москве, на Вшивой улице.

Зипун, простоволосая,
На голову набросила,
А ноги в кровь изрезаны
Тяжелыми железами.

Бегут ребята – дразнятся,
Кипит в застенке варево...
Покажут ноне разинцам
Острастку судьи царицы!

Распросят, в землю метлами
Брады уставя долгие,
Как соколы залетные
Гуляли Доном-Волгою,
Как под Азовом ладили
Челны с высоким застругом,
Как шарили да грабили
Торговый город Астрахань!

Палач-собака скалится,
Лиса-приказный хмурится.
Сидит Алена-Старица
В Москве, на Вшивой улице.
Судья в кафтане до полу
В лицо ей светит свечечкой:
«Немало, ведьма, попила
Ты крови человеческой,
Покуда плахе-матушке
Челом ты не ударила!»
Пытают в раз остаточный
Бояре государевы:
«Обедню черту правила ль,
Сквозь сито землю сеяла ль
В погибель роду цареву,
Здоровью Алексееву?»

«Смолой приправлен жидкою,
Мне солон царский хлебушек!
А ты, боярин, пыткой
Страшал бы красных девушек!
Хотите – жгите живо,
А я царя не гладила.
Мне жребий выпал – важивать
Полки Степана Разина.
В моих ушах без умолка
Поет стрела татарская...
Те два полка,
Что два волка,
Дружину грызли царскую!
Нам, смердам, двери заперты
Повсюду, кроме паперти.
На паперти слепцы поют,
Попросишь – грош купцы дают.

Судьба меня возвысила!
Я бар, как семья, щелкала,
Ходила в кике бисерной,
В зеленой кофте шелковой.

На Волге – что оконницы –
Пруды с зеленой ряскою,
В них раки нынче кормятся
Свежинкою дворянскою.
Боярский суд не жаловал

Ни старого, ни малого,
Так вас любить,
Так вас жалеть –
Себя губить,
Душе болеть!..

Горят огни-пожарища,
Дымы кругом постелены.
Мои друзья-товарищи
Порубаны, постреляны,
Им глазыньки до донышка
Ночной стервятник выклевал,
Их греет волчье солнышко,
Они к нему привыкнули.
И мне топор, знать, выточен
У ката в башне пыточной,
Да помни, дьяк,
Не ровен час:
Сегодня – нас,
А завтра – вас!
Мне б после смерти галкой стать,
Летать под низкой тучею,
Ночей не спать, –
Царя пугать
Бедою неминучею!..»

Смола в застенке варится,
Опарой всходит сдобною,
Ведут Алену-Старицу
Стрельцы на место Лобное.
В Зарядье над осокою
Блестит зарница дальняя.
Горит звезда высокая...
Терпи, многострадальная!

А тучи, словно лошади,
Бегут над Красной площадью.

Все звери спят.
Все птицы спят,
Одни дьяки
Людей казнят.

1938

* * *

Когда-то в сердце молодом
Мечта о счастье пела звонко.
Теперь душа моя – как дом,
Откуда вынесли ребенка.

А я земле мечту отдать
Все не решаюсь, все бунтую...
Так обезумевшая мать
Качает колыбель пустую.
1941

КОЛОКОЛА

Видно, вправду скоро сбудется
То, чего душа ждала:
Мне весь день сегодня чудится,
Что звонят в колокола.

Только двери в храме заперты,
Кто б там стал трезвонить зря?
Не видать дьячка на паперти
И на вышке звонаря.

Знать, служение воскресное
Не у нас в земном краю:
То звонят чины небесные
По душе моей в раю.
1941

КРАСОТА

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молящих снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!
1942

Я

Много видевший, много знавший,
Знавший ненависть и любовь,
Всё имевший, всё потерявший
И опять всё нашедший вновь.

Вкус узнавший всего земного
И до жизни жадный опять,
Обладающий всем и снова
Всё боящийся потерять.
1945